

М. Мерло-Понти и Л. Бинсвангер: феноменология опыта *

*О.А. Власова**Курский государственный университет, кафедра философии
305000 г. Курск, ул. Радищева, 33*

В статье осуществляется сравнительный анализ идей Л. Бинсвангера и М. Мерло-Понти. Основным сходством их идей автор называет так называемую позицию «между»: между Гуссерлем и Хайдеггером, между нормой и патологией. И Бинсвангера, и Мерло-Понти интересует дообъектная сфера, изначальный опыт человека. Исследуя его сущность, они вводят концепты дообъектного восприятия и экзистенциально-априорных структур, трансценденции и выражения.

Морис Мерло-Понти и Людвиг Бинсвангер были людьми разных профессий: первый — академическим философом, второй — практикующим психиатром. Различной была и предметная область их исследований, но их обоих на протяжении всей жизни интересовал один вопрос: «Что стоит за нашим восприятием мира, и что представляет собой мир и человек в своем мире?». У Мерло-Понти и Бинсвангера на уровне прямого влияния и наследования идей практически нет ничего общего. Конечно, первый читал работы второго, но о прямом заимствовании или хотя бы переосмыслении идей, на наш взгляд, говорить неправомерно. Тем не менее, они оба были погружены в общее интеллектуальное поле медицины и философии, представленное именами философов И. Канта и Г.-В.-Ф. Гегеля, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, психиатров Э. Минковски и Э. Штрауса, неврологов Г. Гольба и К. Гольдштейна.

У Мерло-Понти и Бинсвангера есть одна общая черта, которая и дает то сходство, которое можно обнаружить в их идеях. Этим общим является известная исследователям Мерло-Понти позиция «между», в частности, между Гуссерлем и Хайдеггером. Неслучайно по отношению к его взглядам так прочно закрепился ярлык «экзистенциальная феноменология». Экзистенциальный подход Мерло-Понти не похож ни на феноменологию Гуссерля, ни на экзистенциальную аналитику Хайдеггера. Это, скорее, попытка преодолеть противоречия как первой, так и второй, а еще точнее, их метафизичность¹ в кантовском смысле как обращение к формам чистого разума: в случае Гуссерля — к чистому сознанию, в случае Хайдеггера — к чистому бытию. На смену отвлеченным понятиям приходит отдельный человек, индивид с определенным расстройством. Сознание, существование, смысл, «я» превращаются у Мерло-Понти из трансцендентных в имманентные, находящиеся действительно «в-», выступая основой конституирования целостного бытия.

© О.А. Власова, 2008.

*

Работа выполнена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации (проект МК-1760.2008.6 «Проблема опыта в феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе»).

¹ П. Рикёр поэтому совершенно справедливо говорит о том, что Мерло-Понти пытался преодолеть Гуссерля и Хайдеггера (См.: Ricoeur P. Merleau-Ponty: par-dela Husserl et Heidegger // Ricoeur P. Lectures. 2. La contree des philosophies. Paris, 1992).

Экзистенциальная феноменология Мерло-Понти — это философия, которая всегда рождается в между-сфере, это закономерное выражение присущего мыслителю на уровне философской интуиции диалектического склада мышления, диалектического именно в гегелевском смысле. «Программой этой феноменологии, — пишет В. Декомб, — служит описание как раз того, что располагается между "для-себя" и "В-себе", сознанием и вещью, свободой и природой. "Интервал", как охотно говорили в то время, является его излюбленной областью»¹.

«Между» Бинсвангера — это тоже позиция между Гуссерлем и Хайдеггером. Если обратиться к становлению его идей, то первой крупной фигурой, начиная с написанного в 1922 г. реферата «О феноменологии», для него становится Гуссерль. Но в 1930 г. он изменяет свои интеллектуальные пристрастия с Гуссерля на Хайдеггера, и с известной статьи «Сон и существование» начинается хайдеггерианский период. Тем не менее, Бинсвангер и тогда не оставляет феноменологию Гуссерля. На это, кстати, указывал и сам Хайдеггер. На одном из Цолликонских семинаров (25 ноября 1965 г.) он говорил о Бинсвангере: «Еще актуальная для него феноменология Гуссерля, остающаяся феноменологией сознания, препятствует ясному пониманию феноменологической герменевтики Dasein»². Поэтому закономерным продолжением интеллектуальной эволюции стали поздние работы Бинсвангера, где на экзистенциальный анализ накладывается феноменология Гуссерля.

Для Бинсвангера и раннего Мерло-Понти (а именно о нем и пойдет речь) характерен сходный стиль мышления: от клинического случая к философскому обобщению. При этом первому интересны случаи органической патологии, второму — патология психическая. Так возникает еще одно «между» на границе нормы и патологии, философии и клиники. Как известно, большое влияние на формирование взглядов Мерло-Понти оказал немецкий невролог Курт Гольдштейн, к чьим клиническим случаям он постоянно обращается в «Феноменологии восприятия». Несмотря на это, в отличие от Бинсвангера и клинической традиции изучения его работ, феноменологические исследования органических нарушений и психических расстройств при анализе «Феноменологии восприятия» часто пропускают. Мы не найдем их ни в одной русскоязычной работе, включая и послесловие к самой «Феноменологии восприятия». Между тем, по нашему убеждению, этот анализ патологического очень важен для понимания его экзистенциальной феноменологии. Г. Шпигельберг справедливо замечает: «Мерло-Понти был не только блестящим академическим преподавателем, но также уверенно чувствовал себя в науках о человеке и, особенно, в психологии». Важен этот анализ и для понимания того поля исследования, которое роднит философа Мерло-Понти с психиатром Бинсвангером.

По вопросу о соотношении нормы и патологии позиция обоих исследователей одина: патологическое для них приоткрывает механизмы нормального, и именно через нарушение они пытаются понять норму. Бинсвангер, исследуя психотические модусы существования, стремится постигнуть типы конфигурации Dasein и его структуру, превращая экзистенциально-аналитическую онтологию в антропологию. Он пишет: «Экзистенциальный анализ не предлагает онтологического тезиса о существенном условии, определяющем существование, но заявляет о существующем, то есть утверждает о

¹ Декомб В. Современная французская философия. Пер. с франц. М.М. Федоровой. М, 2000. С. 56.

² Zollikoner Seminare: Protokolle - Gespräche - Briefe. Frankfurt a. M., 1987. S. 157.

³ Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение. Пер. с англ. под ред. М. Лебедева, О. Никифорова. М., 2002. С. 539.

фактических открытиях, которые касаются действительно появляющихся форм и конфигураций существования» (*курсив автора — О.В.*)¹ Для Бинсвангера противопоставление нормы и патологии преодолевается благодаря обращению к человеческому существованию, а на место патологии приходит специфический модус бытия.

Мерло-Понти, наоборот, четко разделяет норму и патологию, придерживаясь, таким образом, позиции «органической медицины». Между нормальным и патологическим имеется разрыв, одно не перетекает в другое, и поэтому патологическое является качественно новым состоянием. Больной, как считает исследователь, теряет то, что всегда присуще нормальному человеку: способность конструировать перцептивное поле, пространство своего тела и т.д. Тем не менее, он живет в условиях, которые постоянно требуют полноценного существования, и потому пытается заменить то, что утратил, создавая новую структуру. В этом конструировании, по мнению Мерло-Понти, всегда присутствуют отголоски заменяемой фундаментальной функции, и именно поэтому через исследование патологического и изучение принципов замещения можно понять нормальное состояние. Мерло-Понти пишет о больном Шнайдере, который делает подготовительные движения руками для того, чтобы определить их позицию: «Ошибкой было бы предположить, что нормальный человек совершает те же операции, только сокращенные привычкой. Больной исследует эти явные восприятия только для того, чтобы возместить достоверное присутствие тела и объекта, которое дано нормальному человеку и которое нам остается воссоздать»².

Еще одной общей для Мерло-Понти и Бинсвангера методологической установкой, которая определяет возникновение специфического поля исследования, является постулирование невозможности полной феноменологической редукции до трансцендентального эго. У Бинсвангера такая позиция обуславливается достаточно простой причиной: невозможностью полной редукции в клинике и спецификой предмета исследования. Когда перед психиатром сидит конкретный человек, редуцировать его до трансцендентального эго достаточно проблематично, да и не нужно. Еще в 1922 г. в реферате по феноменологии он пишет, что психопатология «никогда не захочет и не сможет подняться до созерцания чистой сущности в абсолютной всеобщности». Бинсвангер, как и все представители феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, остается на второй ступени.

На этой же ступени стоит и Мерло-Понти. Как мы помним, в предисловии к «Феноменологии восприятия» он заявляет, что полная феноменологическая редукция до трансцендентального эго невозможна, поскольку мы не можем снять вопрос о существовании мира. «Величайший урок редукции заключается в невозможности полной редукции. <...> Будь мы абсолютным духом, редукция не составляла бы никакой проблемы»⁴, — пишет он.

¹ Бинсвангер Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли / Экзистенциальная психология. Экзистенция. Пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М., 2001. С. 309.

² Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 149. Далее, говоря об опыте «верха» и «низа», Мерло-Понти отмечает: «Мы не могли бы его ухватить в условиях обычного течения жизни, поскольку в этом случае он скрыт под своими же результатами. Нужно обратиться к какому-нибудь исключительному случаю, когда этот опыт разрушается и восстанавливается у нас на глазах...» (Там же. С. 314).

³ Бинсвангер Л. Феноменология и психопатология. Пер. О.В. Никифорова // Логос. 1992. №3. С. 127.

⁴ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 13.

Указывая на необходимость очищения знания от мишуры научных терминов, Бинсвангер и Мерло-Понти обращаются к тому, что остается после второго этапа редукции, а конкретнее, к пространству опыта. Мерло-Понти считает опыт способом оформления мира¹, он включает и восприятие мира, и представление о нем, и самоощущение, и взаимодействие с миром как опыт осуществления активности. Для Бинсвангера и последующей традиции экзистенциального анализа понятие опыта становится практически синонимичным понятию «мир». При этом последнее определяется достаточно своеобразно. Так, последователь Бинсвангера Роланд Кун пишет: «Слово "мир" мы используем не в смысле "образ жизни" и не в библейском смысле "мирские страсти", а скорее в смысле "миропроект", который каждый человек прикладывает ко всему что его окружает, с помощью которого он интерпретирует все, с чем сталкивается, исходя из которого складывается контекст отношений к чему-либо и которым детерминирована экзистенция (Dasein) каждого человека»². Как видим, понятие мира у Куна совершенно идентично таковому у Бинсвангера, его можно охарактеризовать как синоним понятия опыт.

Внимание к опыту для обоих исследователей связано с еще одной особенностью их воззрений. Как Мерло-Понти, так и Бинсвангер важнейшей задачей видят преодоление субъект-объектной оппозиции, наследства Декарта и одного из основных препятствий на пути экзистенциально-феноменологического исследования. Для Мерло-Понти субъект-объектная оппозиция — это разделение для-себя и в-себе. Он наследует от Гуссерля идею кризиса современных ему наук и ищет единство между субъективизмом философии (в том числе Гуссерлевой) и объективизмом естественных наук (в том числе неврологии и психиатрии). Основа этой целостности — общее поле, т.е. переживаемый мир в единстве субъективного и объективного, а точнее опыт. Он ставит на место чистого сознания конкретность бытия, обращается к самому человеку. Как справедливо отмечает И.С. Вдовина, «мир человеческой культуры, исследованием которого занимается Мерло-Понти, находится не на стороне объекта (объективный мир) и не на стороне субъекта (внутренний мир, сознание, дух), а "между ними", там, где протекает человеческая жизнь»³. Именно поэтому центром системы становится тело, движение, а также их функционирование в норме и патологии.

Бинсвангер обозначает проблему противопоставления субъекта объекту уже в своей первой монографии «Введение в проблемы общей психологии», первая часть которой вышла в 1922 г. В ней он исследует и пытается преодолеть разделенность интенционального акта на сознание и объект. Раскол на субъект и объект он всю жизнь будет называть «раковой опухолью психологии и философии». Если К. Ясперс ограничивает свою феноменологию субъективными феноменами психики, а объективные проявления поведения и исследование окружающего мира выводит за ее пределы, то Бинсвангер окончательно преодолевает этот разрыв. Он использует концепт бытия-в-мире как понятия, позволяющего рассматривать личность в ее целостности. На место субъекта приходит Dasein.

Тело и Dasein — два ключевых понятия для экзистенциальной феноменологии Мерло-Понти и Бинсвангера. Тело для первого, Dasein для второго становятся той областью, где субъект-объектная оппозиция полностью снимается. И тело, и Dasein явля-

¹ Там же. С. 225.

² Кун Р. Покушение на убийство проститутки // Экзистенциальная психология. Экзистенция. С. 546-547.

³ Вдовина И.С. М. Мерло-Понти: от первичного восприятия - к миру культуры / Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 583.

⁴ Binswanger L. Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie. Berlin: Springer. 1922.

ются основным пространством реализации и конституирования опыта, т.е. конституирующее-конституируемыми образованиями. Их оформлению предшествует то, что Мерло-Понти называет дообъектной, а Бинсвангер — априорной областью.

Бинсвангер признает, что заимствовал термин «априори» у Канта, максимально его расширив. Сама возможность экзистенциальных априори, да и любого модуса существования, предполагает зафиксированную экзистенцию, т.е. первоначальный фундаментальный выбор, что приводит нас ближе к Сартру, чем к Хайдеггеру. Эта зафиксированная экзистенция есть проект мира, как говорит Бинсвангер, пред-проект. Пред-проект и у Бинсвангера, и у Сартра определяет контекст, в котором конституируется мир, предавая ему определенный смысл. Экзистенциально априорные структуры как концепты обязаны своим рождением не только Хайдеггеру, но и Сартру.

Априорные структуры определяют саму возможность возникновения психического заболевания, а также его конфигурацию. Описывая случай своей пациентки Эллен Вест, Бинсвангер среди прочего отмечает, что только априорные или трансцендентальные формы человеческого разума делают опыт тем, чем он является. Он пишет: «Экзистенциальный анализ... не постулирует устойчивость структуры внутренней жизни-истории, а скорее исследует предшествующую или лежащую в ее основе фундаментальную трансцендентальную структуру, априори всех психических структур как само условие этой возможности (возможности разрушения психической структуры — О.В.)».

Что же представляют собой эти априорные экзистенциальные структуры? В данном случае мы попытаемся ответить па вопрос, двигаясь от следствия к причине (хотя и противореча Бинсвангеру, поскольку такие понятия здесь, по его мнению, применяться не могут): от того, что обеспечивают эти структуры, к тому, чем они являются. Априорные экзистенциальные структуры определяют матрицу возможного опыта индивида, т.е. саму возможность возникновения того или иного опыта. Эта матрица создает объекты мира, с которыми сталкивается человек, создает, поскольку придает им определенный смысл, обуславливает контекст индивидуального значения. Дж. Нидлман для обозначения экзистенциальных априорных структур предлагает использовать понятие «экзистенциальные априори» и характеризует их следующим образом: «... они есть универсалии или формы, которые занимают по отношению к опыту *каждого* человека такое же положение, какое кантовские категории рассудка занимают по отношению к объектам, которые мы познаем» (*курсив автора* — О.В.)². Экзистенциальные априорные структуры не существуют независимо от опыта индивида, а только в связи с ним; хотя они являются доопытными по своей природе, вне мира и человеческого существования они не мыслимы. Отделить эти категории от самого мира и существования, которое они обуславливают, невозможно.

Эти экзистенциальные априори являются производным Dasein, а не «я» или личности, и являются результатом не сознательного или бессознательного выбора, но фундаментального, онтологического, выбора в сартрианском смысле. Априорные экзистенциальные структуры составляют определенный способ бытия-в-мире, модус Dasein, который не обуславливает, но управляет теми или иными значениями событий для индивида. Именно поэтому экзистенциальные априори — это смысловая матрица

¹ Binswanger L. Existential analysis and psychotherapy // Psychoanalysis and existential analysis. N. Y., 1962. P. 18.

² Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.; СПб.. 1998. С. 32.

возможного опыта. Задавая смысл, экзистенциальные априори конституируют мир пациента. Они образуют как бы стержневую структуру, каркас бытия-в-мире. Поэтому Бинсвангер сравнивает эту трансцендентальную структуру с заботой у Хайдеггера.

Экзистенциальные априори являются своеобразным горизонтом сознания, пределом возможного опыта индивида. Именно этот горизонт опыта составляет тот смысловой контекст, который этот опыт делает возможным. Он поддерживает темпоральность человеческого существования, прошедшие события в его пределах остаются настоящими. «Экзистенциальные априори, — пишет Дж. Нидлман, — делают возможным влияние прошлого на настоящее; связь нынешнего индивидуума с его прошлым сама по себе не детерминирована этим прошлым, а детерминирована горизонтом, в рамках которого он переживает и настоящее, и прошлое»¹. Стержнем априорных экзистенциальных структур у Бинсвангера становится трансцендентальная категория, представляющая собой универсалию, определяющую опыт не в смысле причинности, а в смысле контекста. Она является источником и травмирующего детского опыта, первого опыта в котором она открывается, и тем самым обладает властью над существованием человека.

Следовательно, можно выделить несколько черт, присущих экзистенциально априорным структурам: 1) их существование обеспечивается конституирующей способностью *Dasein*; 2) они определяются через назначение и функцию, сами являются этим назначением и функцией; 3) предвосхищают форму возможного опыта, но до него и за его пределами не существуют, т.е. по отношению к опыту являются трансцендентальными; 4) являются трансцендентально истинными, т.е. истинны и реальны постольку, поскольку являются необходимым условием опыта. У априорных структур Бинсвангера есть и еще одна особенность: вследствие наложения экзистенциальной аналитики Хайдеггера на психоанализ они стали пониматься как результат травмы детства, который в дальнейшем начинает определять горизонт существования.

Мерло-Понти строит свою экзистенциальную феноменологию дообъектной области, фактически не используя психоанализ. Тем не менее, некоторые особенности этой части его теории сходны с таковыми у Бинсвангера. Заметим, что традиция исследования дорефлексивного опыта является достаточно специфичной для феноменологической психиатрии. Так, представитель ее голландской ветви Ян Хенрик Ван Ден Берг в своих исследованиях постоянно подчеркивает, что допредикативный, предрефлексивный опыт является одним из основных вопросов современной науки. Он указывает, что мы живем, перемещаемся в пространстве, развиваемся и изменяемся во времени, говорим с другими людьми предрефлексивно, не обнаруживая при этом никаких проблем. Как только мы начинаем задумываться над непосредственным проживанием, возникают бесчисленные трудности. Эти трудности пытается разрешить феноменология. Вот как определяет ее сам Ван Ден Берг: «Феноменология — необычная и претенциозная наука, которая пытается решить эти проблемы предрефлексивно. Претенциозная, поскольку как можно думать о том, что по определению стоит до размышления и рефлексии? Это на самом деле кажется невозможным»².

Мерло-Понти постулирует существование априорно-апостериорных фундаментальных структур. Восприятию предшествует так называемая внутренняя диафрагма,

¹ Там же. С. 88.

² Van Den Berg J.H. *A Different Existence: Principles of Phenomenological Psychopathology*. Pittsburgh, 1972. P. 74.

определяющая зону переживания и масштаб жизни. Он указывает на парадоксальный факт: одни больные могут утратить зрение, при этом не изменив своего мира, другие, напротив, с потерей зрения и исчезновением ориентиров мира теряют и сам мир. Следовательно, заключает он, бытие обладает дообъектным измерением, определенной плотностью и содержанием, которые не зависят от рефлексов, мышления и объектов внешнего мира. «Именно потому, что бытие в мире есть некое дообъектное видение, — отмечает Мерло-Понти, — оно может отличаться от любого безличного процесса, от любой модальности *res extensa*, а равно от всякого *cogitatio*, от всякого личного познания, — и потому оно окажется способным осуществить соединение "психического" и "физиологического"» (*курсив автора* — О.В.)¹.

Это или дообъектная область восприятия, или пространственное и временное, интерсенсорное и сенсорно-моторное единство тела, т.е. та область, которая является не основой бытия в мире (как это, например, происходит у Бинсвангера), а самим бытием в мире, областью существования человека. Поэтому экзистенциальная феноменология Мерло-Понти по своей направленности не антропологична и не психологична, но онтологична. Связи и отношения, которые в ней исследуются, не предшествуют бытию, а являются самим бытием. Здесь, на наш взгляд, и проступает основное отличие взглядов Мерло-Понти от идей Хайдеггера и Бинсвангера. Если Хайдеггер противопоставляет онтологию онтике и ставит своей целью изучение первой, а Бинсвангер пытается определить оптические модификации онтологической структуры, то Мерло-Понти включает существование в область сущности и создает динамическую онтологию, или, как метко подмечает Л.Ю. Соколова², феноменологическую онтологию «человеческой реальности».

Априорно-апостериорной дообъектная область восприятия является потому, что в ее основе лежит пройденный решающий порог выражения. «Наш взгляд на человека останется поверхностным, — пишет Мерло-Понти, — пока мы не поднимемся к этому истоку, пока не отыщем под шумом слов предшествующую миру тишину, пока не опишем жест, который эту тишину нарушает»³. Предшествующие акты выражения и составляют одновременно и дообъектную область восприятия, и общий мир, к которым каждое новое выражение отсылает. «Феноменология восприятия Мерло-Понти — пишет Г. Шпигельберг, — это в первую очередь попытка исследовать базовый слой в нашем опыте мира, как он дан нам до всяких научных интерпретаций»⁴.

Такая трактовка восприятия напоминает кантовское понятие априорных структур, а скорее — экзистенциально априорные структуры Бинсвангера. Существование в восприятии внутренней диафрагмы у Мерло-Понти подобно экзистенциальной сетке у Бинсвангера: и в том, и в другом случае это образование определяет горизонт опыта и восприятия, как выражается Мерло-Понти, зону возможных действий, масштаб жизни. Это сходство Мерло-Понти с Бинсвангером обуславливается, на наш взгляд, схожим сочетанием в их теоретических системах кантианства и сартрианства: взаимодействия априорных структур познания с понятием проекта как возможности того или иного опыта и существования.

Как и Бинсвангер, Мерло-Понти не принимает идею Сартра о первом фундаментальном выборе. Свобода и жизнь разворачиваются в «поле отложившихся смыслов» и

¹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 116.

² Соколова Л.Ю. Очерки французской философии XX века. СПб., 2006. С. 65.

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 241.

⁴ Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. С. 555.

определяются этими смыслами. У Мерло-Понти свобода начинается с ситуации, в которой человек уже существует, он уже заброшен в мир. В этой ситуации человек, как и у Бинсвангера, формирует не сознательный, а экзистенциальный проект, т.е. «устремленность жизни к некоей неопределенно-определенной цели, о которой нет никакого представления и которую она узнает лишь тогда, когда ее достигает... Мы имеем дело не с изыскательным наклонением, а с сослагательным, с вопросительным предложением, с обетом и ожиданием. Проект проживается в двусмысленности»¹. Эта неопределенно-определенная интенция, эта двусмысленность характеризует и экзистенциальные априори Бинсвангера.

Но Мерло-Понти идет намного дальше. Центральной структурой дообъектной области опыта у него становится выражение. И тело, и сексуальное поведение, и движение выступают не просто символами, а синтезом знака и значения, тем, что предшествует существованию и одновременно является его актуальностью. Возможно, что именно эта идея позволит Мишелю Фуко в его предисловии к работе Бинсвангера «Сон и существование» назвать проблему выражения центральной проблемой экзистенциального анализа и трактовать Бинсвангера сквозь призму Мерло-Понти: экзистенциальные априорные структуры — через теорию выражения. В своем «Предисловии» он пишет: «Из столкновения Гуссерля и Фрейда возникла двоякая проблема: нужно было найти такой метод интерпретации, который восстанавливал бы во всей их полноте акты выражения»². План говорения, который связан с «выражением», не заметил, как считает Фуко, ни психоанализ, поскольку трактовал сновидение как речь, ни феноменология, так как она занималась непосредственным анализом смыслов. Центральной проблемой, по мнению Фуко, «выражение» становится именно для экзистенциального анализа.

Влиянием Бинсвангера на Мерло-Понти объясняются и некоторые более очевидные ссылки. Говоря о данных органов чувств и воспоминаниях, он отмечает, что принятие или отторжение их помещает субъекта в «определенную ситуацию и очерчивает для него ментальное поле непосредственного доступа»³. Такой же функцией, как мы помним, наделяет Бинсвангер свои экзистенциальные априори.

Фактически, в какой-то мере продолжая мысль Фуко, можно сказать, что проблема выражения является одной из центральных именно для Мерло-Понти. Она просматривается и как вопрос роли органического и психического симптома как знака и значения существования, и в понимании движения как выражения существования и его акта. К этой проблеме ведет элементарный вопрос о том, является ли симптом символом, знаком существования или же самим существованием. С целью решения этого вопроса Бинсвангер вводит концепт экзистенциально априорных структур, которые представляются тем, что выражает симптом, но одновременно не могут однозначно пониматься как его смысл. На страницах «Феноменологии восприятия» также постоянно возникает призрак экзистенциально-априорных структур, но скорее в смысле позднего Гуссерля как предопыт, чем в смысле раннего Хайдеггера, как у Бинсвангера.

Выражение представляется Мерло-Понти кратким актом истинного существования, мгновением обретения смысла и его проекцией; его невозможно уловить, оно

¹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 561.

² Foucault M. Introduction // Dits et écrits. T. I. P. 73 (Цит. по: Табачникова С.В. Мишель Фуко: Историк настоящего // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с фр. М. 1996. С. 414.

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 215.

кратко, как крик. Выражение присуще существованию как его сущность и главная особенность. Именно в выражении сливаются и становятся неразрывным единством сущность и существование. «Стало быть, — отмечает Мерло-Понти, — надо признать в качестве первостепенного факта эту открытую и неограниченную способность означать (то есть одновременно схватывать и передавать смысл), посредством которой человек возносит себя к какой-то новой форме поведения или к другим, или к своему собственному мышлению через свое тело и речь»¹. Этим простым пассажем через концепт выражения Мерло-Понти преодолевает извечную дихотомию субъекта и объекта, для-себя и в-себе, сущности и существования, трансцендентного и имманентного². Выражение не просто является руководством к действию, но, подобно новому органу чувств, вводит значение внутрь человека, оно «открывает нашему опыту какое-то новое поле или новое измерение»³. Выражение невозможно уловить, оно переживается, но не может быть ни осмыслено, ни восстановлено. Наиболее яркие примеры выражения, по Мерло-Понти, мы можем найти в искусстве и творчестве. Музыкальное значение невозможно отделить от звуков, но эта неразделимость существует лишь в акте звучания и не может быть впоследствии воссоздана, ее можно лишь сотворить в акте творчества.

Мерло-Понти тесно связывает акт выражения с трансценденцией. Он отмечает, что само по себе существование является неопределенным: это действие, посредством которого обретает смысл то, что им не обладало, благодаря которому случайность становится существованием, факт преобразуется в ситуацию. «Мы назовем трансценденцией это движение, посредством которого существование присваивает себе факт и преобразует его в ситуацию»⁴, — пишет он. Заметим, что между сказанным нами ранее об имманентности сознания и «я» и настоящими утверждениями Мерло-Понти нет никакого противоречия. Трансценденция присуща существованию, благодаря ей в акте выражения оно обретает смысл и значение, но это смысл и значение самого существования, который находится в нем самом. Трансцендентное и имманентное, таким образом, тесно переплетаются. Мерло-Понти пишет: «Формы поведения творят значения, которые трансцендентны по отношению к анатомическому устройству и, тем не менее, имманентны поведению как таковому, так как оно учит себя и постигает себя»⁵. Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с тем, что называют двойственностью Мерло-Понти, приобретенной под влиянием Гегеля «манерой» все разбивать на крайности, на противоположности, и искать истину на полпути от одного к другому.

Конечно, если говорить об эволюции идей и об основной направленности философской системы, то, безусловно, Мерло-Понти и Бинсвангер шли по разным дорогам. Но то сходство, которое, как мы надеемся, нам удалось показать в этой статье, высвечивает не только их общие феноменологические, и даже экзистенциально-феноменологические корни, но и показывает весьма важные процессы, происходившие в феноменологической философии XX века.

Там же. С. 252-253.

² Л.Ю. Соколова пишет о Мерло-Понти: «Для него классическое противопоставление сознания и мира, души и тела - ошибка рефлексивной философии, преодолеть которую в состоянии верно понятая феноменология» (Соколова Л.Ю. Очерки французской философии XX века. С. 63).

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С. 239.

⁴ Там же. С. 224.

⁵ Там же. С. 247.

Провозглашенный Гуссерлем девиз «назад к вещам» повел за ним не только философов. Психиатры и неврологи увидели в своем предметном поле то непосредственно данное, обратиться к которому призывал родоначальник феноменологии. Нашли они и то, от чего можно было избавиться, прибегая к феноменологической редукции. Но главное, перед ними был богатейший материал, который ни сам Гуссерль, ни его ученики практически не использовали — многообразная патологическая реальность. Она и стала тем конкретным феноменальным полем, которое еще предстояло исследовать. Обращение к этому полю и связывает Бинсвангера его второго, хайдеггерианского, периода и раннего Мерло-Понти периода «Феноменологии восприятия».

И Бинсвангера, и Мерло-Понти интересует область изначального опыта, того опыта, который лежит в основе восприятия мира и поведения человека. Пытаясь проникнуть в его сущность, они вводят понятия дообъектного восприятия и экзистенциально априорных структур, а центральными категориями этого опыта оказываются трансценденция и выражение. Конечно, на основании таких выводов нельзя говорить о существенном сходстве идей Мерло-Понти и Бинсвангера, можно лишь констатировать некоторые идейные пересечения — результат «между-интуиции» обоих мыслителей. Мерло-Понти в философском плане, безусловно, более систематичен и последователен, чем Бинсвангер. Но внимание и того, и другого привлекает одна и та же область — область опыта, которая для западной науки XX века станет той сферой, интерес к которой объединит и многих других представителей различных наук, в особенности философии и психиатрии.

О.А. Vlasova

Primary experience in existential phenomenology of M. Merleau-Ponty and L. Binswanger

The paper is presented the comparative analysis of L. Binswanger's and Merleau-Ponty's ideas. Basis feature of their theories is the position «between»: between Husserl and Heidegger, between norm and pathology. The general object of interest of these thinkers is space of primary experience. Trying to get into its essence, they enters concepts «up to-objective perception» and «existential *a priori* structures», «transcendence» and «utterance».